

Андрей Ланьков

К северу от 38-й параллели

Как живут в КНДР

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Андрей Ланьков

**К северу от 38-й параллели.
Как живут в КНДР**

«Альпина Диджитал»

2020

Ланьков А. Н.

К северу от 38-й параллели. Как живут в КНДР / А. Н. Ланьков —
«Альпина Диджитал», 2020

Северная Корея, все еще невероятно засекреченная, перестает быть для мира «черным ящиком». Похоже, радикальный социальный эксперимент, который был начат там в 1940-х годах, подходит к концу. А за ним стоят судьбы людей – бесчисленное количество жизней. О том, как эти жизни были прожиты и что происходит в стране сейчас, рассказывает известный востоковед и публицист Андрей Ланьков. Автору неоднократно доводилось бывать в Северной Корее и общаться с людьми из самых разных слоев общества. Это сотрудники госбезопасности и контрабандисты, северокорейские новые богатые и перебежчики, интеллектуалы (которыми быть вроде бы престижно, но все еще опасно) и шоферы (которыми быть и безопасно, и по-прежнему престижно). Книга рассказывает о технологиях (от экзотических газогенераторных двигателей до северокорейского интернета) и монументах вождям, о домах и поездах, о голоде и деликатесах – о повседневной жизни северокорейцев, их заботах, тревогах и радостях. О том, как КНДР постепенно и неохотно открывается миру.

© Ланьков А. Н., 2020

© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Священные значки	9
Что в имени тебе?	12
Имена Бога земного	14
Страна статуй	17
«Отлитое в граните»	20
Высеченное в камне	22
Листок из книги отца	24
Музеи заслуг	26
Большая картина	28
Учимся быть верными солдатами Вождя и Полководца	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Ланьков

К северу от 38-й параллели. Как живут в КНДР

Переводчик Александр Соловьев

Руководитель проекта А. Шувалова

Дизайн обложки Ю. Буга

Корректоры И. Астапкина, М. Миловидова

Компьютерная вёрстка М. Поташкин

Фотография на обложке Martin Tutsch

© Ланьков А., 2020

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Предисловие

Впервые попав в Северную Корею – а случилось это в один солнечный день 10 сентября 1984 года, – я оказался в некотором недоумении. Я тогда приехал в Пхеньян учиться в Университет Ким Ир Сена по программе студенческого обмена между тогдашним СССР и КНДР. Это было первая в моей жизни зарубежная поездка, и те, кто помнит советские времена, понимают, что тогда значила первая «загранка» для 20-летнего парня из самой обычной семьи. Однако приехал я в Пхеньян со своим «ментальным багажом» – и в первые же дни стало ясно, что дела там обстоят во многом не так, как я предполагал и как мне говорили перед отъездом.

Я прекрасно понимал, что оказался, пожалуй, в самой жесткой диктатуре мира. Советский Союз поздних брежневских времен, то есть моя Родина, вовсе не был демократической страной, но его жители тогда более или менее поголовно считали Северную Корею воплощением неэффективности и переходящего все мыслимые границы культа личности. Так думали далеко не только – и даже не столько – диссиденты: в коридорах здания ЦК на Старой площади к Северной Корее относились примерно так же. Даже в советских газетах порой проскальзывали намеки (разумеется, осторожные и санкционированные той же Старой площадью) на то, что в КНДР дела обстоят, скажем так, не самым лучшим образом.

Однако в те солнечные сентябрьские дни 1984 года я не увидел признаков террора и репрессий. Северная Корея совсем не походила на оживший кошмар из книг Оруэлла. Красивые женщины, одетые скромно, но мило и со вкусом, очаровательно улыбались. Важные чиновники и мелкие бюрократы в неизменных френчах спешили в свои департаменты. Старушки гуляли по улицам с внуками и внучками. Студенты и школьники шли на занятия. Короче говоря, все выглядело совершенно нормально – за некоторым исключением в виде, например, почти истеричных лозунгов, которые неслись из динамиков, что были почти на каждом столбе, да вездесущих солдат с автоматами Калашникова (впрочем, и эти солдаты не выглядели особо угрожающе). Казалось, что вокруг меня идет совершенно нормальная жизнь, и именно эта нормальность происходящего вокруг никак не соответствовала моим ожиданиям.

Жизнь Северной Кореи и была нормальной. По молодости своей я не понимал тогда одну простую истину: даже в самых репрессивных режимах подавляющее большинство людей все равно стараются жить нормальной жизнью – и в целом это у них обычно получается. В этой нормальной жизни есть работа и отдых, любовь и дружба, и в ней остается не так много места для политики. Безусловно, в 1984 году в Северной Корее происходило много неприятного, но и репрессии, и истерическая пропаганда, и многое другое составляли лишь относительно небольшую часть повседневной жизни страны.

В последние пару десятилетий о КНДР много говорят в СМИ. Пожалуй, о ней говорят даже больше, чем она того заслуживает: в конце концов, Северная Корея – это всего лишь небольшая и слаборазвитая страна, которая, несмотря на наличие ядерного оружия, по таким ключевым показателям, как численность населения и объем ВВП, не слишком отличается от Мозамбика или Ганы. Столь гипертрофированным вниманием к себе КНДР обязана двум обстоятельствам: во-первых, ядерно-дипломатическим играм, в ведении которых пхеньянские дипломаты изрядно поднаторели; а во-вторых – самому факту выживания режима Семьи Ким, который в современном мире кажется на первый взгляд таким живым ископаемым.

Сохранение де-факто монархического режима Кимов действительно кажется чудом, но оно обусловлено самим устройством северокорейского общества. Десятилетиями, с конца 1950-х и до начала 1990-х годов, Северная Корея оставалась самым совершенным, самым «химически чистым» в мире образцом сталинистского общества. Сталин правил СССР всего 25 лет, а династия Ким правит Северной Кореей почти 75 лет, из которых по крайней мере 35–40 лет между 1955 и 1994 годами были временем «зрелого сталинизма». Правда, за послед-

ние 25–30 лет ситуация изменилась радикально. Вопреки распространенным представлениям, сегодня Северную Корею уже нельзя назвать «сталинистской страной», хотя жесткий административно-полицейский контроль за населением и политика самоизоляции продолжают существовать, обеспечивая режиму немалый запас прочности.

Северная Корея увлекла меня с первого же знакомства, и я изучаю эту страну уже 35 лет, еще со времен, когда мир уделял ей меньше внимания, чем Мозамбику. Помимо чисто академических публикаций по ранней истории Северной Кореи я также писал колонки для газеты *Korea Times*, англоязычной ежедневной газеты в Сеуле, и эти колонки стали основой для первоначального варианта книги, которую вы держите в руках. Книга вышла на английском в 2007 году, потом появились японское и китайское (тайваньское) издания, а в 2018 году речь зашла об издании русском. Однако, ознакомившись с русским переводом, который с исключительным профессионализмом сделал Александр Соловьев, я понял, что публиковать в 2019 году книгу, написанную в 2000–2005 годах, просто нельзя. Во-первых, слишком многое изменилось в Северной Корее за это время, во-вторых, много нового стало известно об этой стране в последние годы, и в-третьих, ко многому я сам стал относиться иначе. В результате этот перевод был переработан, и в русском издании от оригинального английского текста едва ли осталась половина. Примерно треть старого текста была удалена – в основном за счет разделов, которые посвящены вторичным темам. Вместо этого в русский текст были включены дополнительные разделы, а та часть текста, которая осталась от английского варианта, была значительно изменена. Так что фактически перед вами, уважаемые читатели, новая книга.

Представляя книгу, я начну с перечисления того, о чем в ней речь не пойдет. Речь здесь не пойдет о международной политике, поскольку об этом много пишут другие. Речь не пойдет о том, что происходит в «коридорах власти» в Пхеньяне. Наконец – и это главное, – книга не о ядерной проблеме, которая подробно обсуждается в бесчисленных публикациях, легко доступных в нашу сетевую эпоху. В первую очередь эта книга посвящена повседневному миру, который создали и в котором живут северокорейцы, – тому, как он выглядел при Ким Ир Сене, то есть до начала 1990-х, и тому, как он выглядит сейчас. Некоторые черты этого мира причудливы и неповторимы, некоторые знакомы нам по опыту СССР, Китая и других стран, а некоторые, скажем так, «нормальны». Этот мир создан, главным образом, самими северокорейцами и отражает их собственные идеалы и ценности, многие из которых нам могут быть чужды или даже неприятны. В любом случае это единственный мир, который они знают, так что опыт и ценности, присущие этому миру, влияют на все, включая и то, как северокорейские дипломаты ведут переговоры, и то, почему Пхеньян решил обзавестись ядерным оружием.

КНДР вовсе не край, населенный боевыми киборгами, пусть даже руководство страны, исходя из своих соображений, время от времени пытается представить зарубежной аудитории именно такой образ Северной Кореи. С другой стороны, это и не рай, полный улыбающихся рабочих, счастливых пейзажников и радостных детей, единственной заботой которых являются успехи в труде и учебе. Эта книга рассказывает о северокорейском обществе, его нравах и принятых в нем нормах. Я остановлюсь на мелочах, от железнодорожных билетов до особенностей радиовещания, а также на вещах более существенных, вроде системы распределения продуктов питания в северокорейских городах. Книга расскажет, как северокорейская система воспринимается изнутри и как она функционирует в обычном режиме. В книге также подробно рассматриваются те глубокие изменения, что произошли в Северной Корее за последнюю четверть века.

Сегодня мы знаем о КНДР гораздо больше, чем знали когда-либо с начала 1960-х годов, то есть с того момента, когда Ким Ир Сен, уйдя из-под советского влияния, установил в стране жесткий режим самоизоляции. Свою роль играют и беженцы из КНДР, находящиеся в Южной Корее и Китае, и иногда готовые к неофициальным контактам официальные представители КНДР в третьих странах, и активность иностранных НКО и гуманитарных организаций на

Севере. Северная Корея, несмотря на царящий там культ секретности, во многом перестала быть «черным ящиком», причем касается это в первую очередь именно вопросов северокорейской повседневности. Мы по-прежнему плохо знаем тайную жизнь ЦК, но вот жизнь рынка, завода или больницы для исследователей тайной перестала быть уже давно. В работе над этой книгой мне помогали многие. Особо я бы хотел поблагодарить Федора Тertiцкого, Ё Хён-чжуна и Александра Соловьева, которые оказали мне неоценимую помощь при подготовке радикально переработанного русского варианта книги. Моя отдельная благодарность Евгению Штефану, который тщательно прочел окончательный вариант рукописи и во многом его отредактировал.

И в заключение несколько слов о транскрипции. В тексте книги большинство терминов будет передаваться в соответствии с нормами упрощенной транскрипции Холодовича. Географические термины записываются так, как они записаны на русскоязычных картах, то есть по правилам транскрипции Холодовича – Концевича, которая, как знают специалисты, отличается от транскрипции Холодовича использованием «дж» вместо «чж». Корейские личные имена записываются в два слова: сначала – фамилия, потом, после пробела, имя (которое у большинства корейцев состоит из двух слогов, записываемых мною через дефис). Исключение делается для тех лиц, имена которых широко известны и часто упоминаются в нашей печати, включая, например, всех трех северокорейских руководителей. Эти имена записываются так, как издавна принято в российских газетах, – в три отдельных слова.

Глава 1

Вожди – любимые и великие...

Священные значки

В 1980-е на улицах моего родного Ленинграда порой встречались студенты из Северной Кореи. Спутать их с китайцами или, скажем, с многочисленными в те годы вьетнамцами было невозможно по одной простой причине: все северокорейские студенты постоянно носили на груди значок с портретом Ким Ир Сена. Впрочем, большинство советских граждан тогда считали этих странных азиатов китайцами, будучи в полной уверенности, что на нагрудном значке у аккуратного и «правильного» одетого азиата изображен Председатель КНР Мао Цзэдун. Однако ленинградцы и москвичи 1980-х заблуждались: даже в те дни, когда в Китае культ Мао достиг совершенно безумных масштабов, китайцы не обязаны были носить значки с портретом «великого кормчего». Однако то, что было невозможно в Китае при Мао, было вполне возможно в Северной Корее при Киме. Культ личности Ким Ир Сена в Северной Корее был исключительным по интенсивности, намного превосходя и культ Мао, и культ Сталина, с которых он изначально во многом копировался. На это были свои причины: Ким правил страной почти полвека, то есть много дольше, чем Мао или Сталин, а потом еще и передал власть по наследству. Свою роль сыграло и то, что страна, в которой правил Великий Вождь, была гораздо меньше и, скажем так, однороднее, так что ее было проще контролировать.

Традиция поголовного и обязательного ношения значков с портретом Ким Ир Сена уникальна – ничего подобного в мире не было нигде и никогда. Значки стали обязательным атрибутом северокорейцев в начале 1970-х, когда культ Великого Вождя достиг своего апогея. В 1972 году в Северной Корее прошло пышное празднование 60-летия Ким Ир Сена, которое во многом стало поворотным моментом в истории культа Великого Вождя, – примерно с этого времени культ этот по своей интенсивности стал существенно превосходить советские и китайские прототипы. Незадолго до юбилея у кого-то из высокопоставленных чиновников появилась интересная идея: заставить всех жителей страны постоянно носить значки с изображением Солнца нации (много лет спустя авторство этой идеи приписали Ким Чен Иру). С ноября 1970 года началось массовое изготовление этих значков, и после 1972 года, когда вся страна широко отпраздновала 60-летний юбилей Великого Вождя, каждый взрослый северокореец уже не мог появиться на людях без лика Ким Ир Сена на груди.

До недавнего времени по достижении совершеннолетия все северокорейцы были обязаны надевать значок Ким Ир Сена всякий раз, когда выходили из дома. При этом дома носить значок было не обязательно – достаточно того, что портреты Вождя и Полководца имеются в каждой жилой комнате любого северокорейского дома. Пока не так давно в правилах ношения значков не были сделаны послабления, появление человека на улице без значка вело к тому, что этот проступок становился предметом обсуждения на следующей сессии самокритики – не слишком приятная перспектива.

Носить значок полагается на левой стороне груди, как официально объясняется, «у сердца». Значки бывают разных форм и видов – всего существует около 20 различных типов, и не факт, что все они известны коллекционерам. Некоторые типы значков могут содержать важную информацию о его носителе. Например, на протяжении двух десятилетий, с начала 1990-х и до конца нулевых, самым престижным считался значок, на котором на фоне большого красного знамени были размещены портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Такие значки изначально предназначались для партийных функционеров высокого ранга, и неожиданное

появление человека с таким значком в те времена могло само по себе ввести многих мелких северокорейских бюрократов в ступор.

Были – а возможно, есть и сейчас – особые значки для сотрудников системы Госохраны (то есть госбезопасности) и некоторых других групп номенклатуры. Свои значки полагаются военнослужащим, членам Союза молодежи и т. д. Низовые партработники носят так называемый большой круглый значок, а северокорейские простолюдины имеют право только на «малый круглый значок». Впрочем, определить статус владельца, полагаясь только на значок, не всегда возможно, поскольку типичный северокореец может иметь несколько различных значков. Человек, который стал высокопоставленным чиновником, когда-то был студентом или солдатом, потом – мелким служащим, и у него с большой вероятностью остались значки с тех давних времен, которые он вполне может надеть и сейчас – например, на повседневную одежду. Тем не менее во многих случаях значки можно рассматривать как своеобразные знаки отличия, которые демонстрируют социальный статус носителя всем, кто разбирается в их типах.

Значки разработаны и изготовлены «Творческой группой Мансудэ». Это уникальное учреждение, художественная студия или, скорее, специализированный художественно-производственный комбинат, главная задача которого – производство скульптурных и живописных изображений Ким Ир Сена, Ким Чен Ира, Ким Чен Ына и членов их семьи. В КНДР только сотрудники этой студии имеют право создавать изображения вождей. Именно «Группой Мансудэ» разработаны и изготовлены все памятники членам Семьи Ким, все их портреты, все мозаичные панно, на которых изображены вожди.

После прихода в 2011 году к власти Ким Чен Ына внешний вид и правила ношения значков подверглись некоторому пересмотру. Во-первых, в широкий обиход вошли значки, на которых изображены оба предшественника вождя – Ким Ир Сен и Ким Чен Ир. До этого похожие «двойные значки» существовали, но выдавались они, как я уже писал, только номенклатуре высокого уровня и были немалой редкостью. Во-вторых, по новой системе в обязательном порядке носить значки должны только члены Трудовой партии и Союза молодежи. Строго говоря, это послабление было сделано еще около 2004 года, но Ким Чен Ын его подтвердил. В-третьих, в соответствии с общим духом новых, более либеральных времен за ношением значков с 2013–2014 годов следят менее строго, чем прежде. В результате в последнее десятилетие на улицах Пхеньяна все чаще стали появляться люди без значков – в основном это явно беспартийные тетушки средних лет. Впрочем, в большинстве своем корейцы предпочитают не искушать судьбу и по-прежнему дисциплинированно надевают значок каждый раз, когда выходят из дома – по крайней мере, в том случае, когда идут на работу или посещают официальное мероприятие.

Любопытно, что без значка появляется на публике и Ли Соль-чжу, жена Ким Чен Ына. Неизвестно, имеет ли она на это формальное право (в том маловероятном случае, если она не является членом партии, то имеет), но с политической точки зрения такое поведение едва ли является разумным. Значок – это, по сути, религиозный символ, зримая клятва верности системе, и понятно, что появление первой леди на людях без значка вызывает у ее подданных некоторое недоумение – примерно такое же, какое вызвало бы в Испании XVII века появление на публике Ее Католического Величества Королевы без крестика на груди.

Наконец, временами без значка на груди появляется даже и сам Высший Руководитель Ким Чен Ын. В частности, когда он в 2016, 2018 и 2019 годах произносил свои новогодние речи, на нем был (хорошо сшитый) западный костюм без значка. Впрочем, в этом-то как раз ничего уникального нет: его отец Ким Чен Ир тоже время от времени появлялся на людях без значка – вождю это позволено.

Многие иностранцы, не понимающие почти мистического значения, придаваемого значку официальной идеологией Северной Кореи, пытаются приобрести его у своих северокорейских знакомых. До самого недавнего времени такие предложения отвергались, ведь зна-

чок – это символ верности стране и правящей династии, своего рода мини-икона, которая не подлежит продаже. Впрочем, в былые времена значки иногда дарили избранным иностранцам в знак признания их особых заслуг перед КНДР. В начале 2018 года стало известно, что иностранцам разрешили официально приобретать значки – но только в том случае, если они делали вклад в Фонд Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, штаб-квартира которого находится в Пхеньяне. Минимальный размер подношения, который дает право на получение значка, тогда составлял 100 евро.

Это не означает, однако, что значки невозможно продать или купить по более адекватным ценам – они регулярно появляются на международном коллекционном рынке, куда попадают контрабандой через Китай или каким-нибудь еще извилистым путем. Забавно, что предприимчивые китайцы даже наладили выпуск поддельных значков и активно продают их в качестве сувениров туристам, посещающим те районы Китая, что граничат с КНДР. С распространением в Северной Корее рыночных отношений, то есть с 1990-х годов, значки стало возможно приобрести за деньги и внутри страны. Как легко догадаться, дороже всего тогда стоили упомянутые выше «значки с партийным знаменем» с изображениями Ким Ир Сена и Ким Чен Ира – атрибут высших чиновников. В самом начале нулевых такой значок стоил не менее 5000 вон (25–30 долларов по тогдашнему обменному курсу), то есть от шести до двенадцати месячных зарплат. Некоторые другие «особые» значки тоже весьма недешевы. Но это понятно: к человеку с таким значком соотечественники будут относиться с глубочайшим почтением.

Некоторые молодые северокорейцы используют эти значки в качестве стильного аксессуара. Я помню, что в 1980-х годах среди корейской молодежи было модно закрепить значок на самом краю одежды.

Что в имени тебе?

Одна из черт, которые отличают культ личности Ким Ир Сена от других культов, – это его систематический и организованный характер. Культ личности Мао был если не стихийным, то спонтанным: местные партийные органы получали инструкции о том, что им следует провести мероприятия в честь того или иного деяния «великого кормчего», но конкретная организация тех или иных ритуалов во многом зависела от местной инициативы. В Северной Корее с конца 1960-х годов славить Ким Ир Сена разрешалось только по тщательно разработанным и доведенным до сведения всех, кого это касалось, нормам. Нормы эти, в частности, определяли и титулатуру Вождя. В более поздние времена в развитие и по образцу таких норм были разработаны похожие правила, регламентирующие то, как следует называть Ким Чен Ира, а потом и Ким Чен Ына. У Кимов были десятки титулов, но использование этих титулов подчинялось строгой и тщательно расписанной системе.

Самым популярным титулом Ким Ир Сена был Великий Вождь (*видэхан сурён*). Корейское слово *сурён* – вождь – имеет китайское происхождение и состоит из двух слогов-иероглифов, первый из которых означает «голова», а второй – «вести», «руководить». Этот термин вошел в употребление в конце 1940-х годов и первоначально применялся только к Сталину и Ленину, двум «великим вождям» коммунизма. Ким Ир Сена стали изредка именовать титулом *сурён* с начала 1950-х, но в те годы его обычно величали *сусан* («премьер-министр»), или *чангун* («генерал», «полководец»). Титул *сурён* оставался слишком высоким для использования «всуде»; его резервировали для особых случаев. Однако в 1960-е годы титул этот стал стандартным и был закреплен исключительно за Ким Ир Сеном. Обычно ему предшествовали префиксы *видэхан* («великий») или *обои* («отец», «отеческий»).

Как заметил Федор Тертицкий в своей статье, посвященной официальной северокорейской титулатуре, «титулы северокорейских руководителей условно делятся на краткий, полный и второстепенные. Краткий титул используется в качестве синонима, когда автору текста нужно просто упомянуть одного из Кимов. Полный – при первом упоминании вождя в тексте. Один из второстепенных – чтобы придать предложению какую-либо эмоциональную окраску».

«Великий Вождь» или «Вождь-отец» стали двумя наиболее часто используемыми полными титулами первого правителя из Семьи Ким. Были и другие, порой весьма живописные – всего их насчитывалось несколько десятков. Самыми распространенными стали «Солнце нации» и «Непобедимый Полководец». В широком ходу был и эпитет «Солнце человечества».

В 1972 году Ким Ир Сен назначил себя на вновь учрежденный пост президента страны. Он назывался *чусок* – это корейизированное название должности, которую занимал Мао (по-китайски эта пара иероглифов читается как *чжуси*). С китайского это слово обычно переводят на русский как «председатель», в то время как в переводе с корейского этот титул по каким-то причинам превратился в «президента». Впрочем, по должности Ким Ир Сена именовали не так часто: обычно в северокорейской печати его называли «Вождь» или, если использовался основной титул, «Великий Вождь».

Восхождение его сына Ким Чен Ира к вершинам власти началось около 1970 года. Какое-то время будущего преемника загадочно величали «Центром Партии» (*тан чунан*). Потом, примерно до 1996 года, основным титулом Ким Чен Ира был *чидочжа*, то есть «Руководитель», а полным титулом – *чхинэханьин чидочжа*, или «Любимый Руководитель». Сейчас Ким Чен Ира называют либо «Полководец», либо «Великий Руководитель» (*видэхан рёндочжа*). После смерти президента Ким Ир Сена в 1994 году власть перешла к его сыну. По истечении трехлетнего траура северокорейцы были проинформированы о том, что пост Президента будет зарезервирован за Кимом Первым навечно. Ким Чен Ир стал главой государства, но не

его президентом. Он занимал должность председателя Государственного комитета обороны, и поэтому титул «Председатель Ким» иногда встречался в зарубежной прессе.

После окончания траура по отцу в 1997 году Ким Чен Ира по-прежнему иногда называли *чидочжа* («Руководитель»), но его основными титулами в качестве главы государства, то есть в период 1997–2011 годов, был *чангун*, то есть «Полководец», и, реже, *рёндочжа* («Руководитель»). Как помнят читатели, в конце 1940-х термин «Полководец» использовали для Ким Ир Сена, но к 1990-м Ким Ир Сена уже давно именовали только Вождём (*сурён*), так что путаницы не возникало. Иногда Вождём называли и Ким Чен Ира, но в целом этот титул остается прерогативой его покойного отца. Поэтому любой северокореец, прочтя в газете про «Вождя и Полководца», тут же понимал, что речь идет о двух разных и вполне конкретных людях – Ким Ир Сене и Ким Чен Ире.

По неизвестным причинам Ким Чен Ир до последнего момента оттягивал решение вопроса о наследнике. Партийному аппарату его представили только в 2009 году, а открыто Ким Чен Ын появился на политической арене лишь осенью 2010 года, то есть за год с небольшим до внезапной смерти своего отца. Поначалу наследника именовали по спешно присвоенному ему воинскому званию генерала армии – *тэчжан*, а после прихода к власти стали называть *рёндочжа*, то есть Руководителем, а чаще – *чхвего рёндочжа*, то есть Высшим Руководителем, или *вонсу*, то есть Маршалом. Таким образом, официальная триада в самом пространном виде выглядит так: Великий Вождь, Любимый Полководец и Высший Руководитель, хотя применительно к Ким Чен Ыну возможны вариации, а в случае с Ким Чен Иром прилагательное «любимый» часто опускается.

Если же говорить о неофициальных титулах, то тут для фантазии северокорейских журналистов открыт немалый простор. Ким Чен Ира, например, в разное время в северокорейской печати именовали «Солнцем нации», «Вождём столетия», «Путеводной звездой XXI века», «Несравненным Руководителем», «Сияющим Солнцем Идей Чучхе». Нынешний правитель страны, кажется, меньше интересуется вопросами культа, но нет особых сомнений в том, что журналисты и пропагандисты и для него изобретут немало подходящих титулов.

Имена Бога земного

В июле 1997 года пять важнейших государственных и партийных учреждений Северной Кореи, включая ЦК ТПК и Кабинет министров, опубликовали совместную декларацию, в которой сообщили граду и миру, что в стране вводится новый календарь. 1912 год стал «Первым годом Эры Чучхе». Почему? Потому что в тот год на свет появился Ким Ир Сен. Иными словами, в официальном северокорейском календаре год рождения Ким Ир Сена пришел на смену году рождения Христа. Решение допускало использование западного христианского летоисчисления, но исключительно в случаях особой необходимости; при этом оно всегда должно было следовать официальному обозначению даты. Впрочем, вскоре стало ясно, что на практике от западного летоисчисления в КНДР не отказались: западные и «чучхейские» даты почти всегда используются параллельно. Таким образом, 2020 год является «109 годом Эры Чучхе».

Это, конечно, не первая в истории попытка порвать с прежним календарем. Во Франции 1790-х годов революционеры начали отсчитывать годы с момента провозглашения Республики. В 1950-х годах в Южной Корее правительство пыталось ввести так называемую Эру Тангуна, начинавшуюся в 2333 году до н. э. Ни одна из этих попыток не продержалась более нескольких десятилетий, и вряд ли Эра Чучхе станет исключением.

Решение ввести Эру Чучхе было лишь одним из нескольких проявлений посмертного культа личности Ким Ир Сена как отца-основателя Северной Кореи. В Пхеньяне с большим пиететом относятся к его памяти. Возможно, именно ради этого, то есть для сохранения своей посмертной репутации, Ким Ир Сен и решил сделать своим наследником старшего сына и создать, таким образом, первую в мировой истории «коммунистическую монархию». Ким-старший мог опасаться того, что следующее поколение вождей отнесется к его памяти так же, как в Советском Союзе отнеслись к памяти Сталина. Будучи сыном своего отца, Ким Чен Ир был кровно заинтересован в сохранении его доброго имени. На это рассчитывал Ким Ир Сен, и его расчеты в целом оправдались.

После того как в 2011 году правителем страны стал Ким Чен Ын, внук Ким Ир Сена, посмертный культ основателя не претерпел особых изменений. Любопытно, что в первые годы возвышения Ким Чен Ына официальная пропаганда активно подчеркивала его внешнее сходство с дедом – действительно, очень заметное. За этим, как можно предположить, стояли не личные симпатии, а политический расчет: и Ким Чен Ын, и его советники знали, что Ким Ир Сена в народе уважают, в то время как Ким Чен Ир у многих жителей КНДР ассоциируется с катастрофическими поздними 1990-ми, временем голода и хаоса.

Ким Ир Сен остается единственным президентом страны – «вечным Президентом КНДР». Ким Чен Ир управлял страной не как президент, но как простой «председатель Государственного комитета обороны». Как легко можно догадаться, после своей смерти Ким Чен Ир стал «вечным Председателем Государственного комитета обороны», а его сын Ким Чен Ын теперь правит страной в качестве председателя Государственного совета. Портреты Ким Ир Сена встречаются повсюду, часто сопровождаясь изображениями Ким Чен Ира и его матери Ким Чен Сук – но об этом речь пойдет дальше.

Важной частью посмертного прославления Ким Ир Сена стали многочисленные стелы *Ёнсэнтхан*, или «obelisks вечной жизни», которые начали строить по всей стране после его смерти в 1994 году. Их название отражает официальный лозунг: «Великий Вождь Ким Ир Сен пребывает с нами вечно!», который начертан на каждом из многих тысяч таких обелисков. После смерти Ким Чен Ира надписи на «obelisks вечной жизни» переделали, включив в них упоминание и второго правителя из Семьи Ким. Сейчас надпись – абсолютно идентичная для всех обелисков – гласит: «Великие товарищи Ким Ир Сен и Ким Чен Ир пребывают с нами вечно».

По состоянию на 2013 год в стране насчитывалось 5800 «обелисков вечной жизни». Их возводили в каждом городе, в каждом провинциальном, уездном и районном центре. Обычно обелиски располагаются в центральных районах. Эти сооружения, как правило, достаточно дешевы, чтобы возвести их можно было быстро и без особых технологических ухищрений, так что ставка делается на массовость и повсеместность. Впрочем, некоторые из «обелисков вечной жизни» являются весьма внушительными и дорогостоящими сооружениями. Самый большой обелиск находится, конечно, в Пхеньяне. Его высота 92,5 м, и он всего лишь чуть ниже Монумента идей Чучхе, одной из главных архитектурных достопримечательностей города.

«Обелиски вечной жизни» – объекты регулярных ритуалов, посвященных памяти Вождя и Полководца. Их, как и памятники Вождю и Полководцу, организованно посещают по официальным праздникам и в годовщины смерти Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

Тело Ким Ир Сена забальзамировано и выставлено на обозрение в специальном стеклянном гробу, помещенном в мавзолее Вождя – Дворце Солнца Кымсусан. В этом отношении Северная Корея следует устоявшейся – хотя и несколько странной – традиции социалистических стран, начало которой положило решение о бальзамировании тела В. И. Ленина, принятое в 1924 году. В советское время за содержание тела Ленина отвечал специальный научно-исследовательский институт, а в наши дни действует Центр биомедицинских технологий, созданный на основе этого НИИ. За десятилетия своего существования персонал Центра приобрел уникальный опыт, который использовался и за границей. В 1949 году сотрудники мавзолея В. И. Ленина забальзамировали тело болгарского руководителя Георгия Димитрова – это был их первый зарубежный «клиент». После смерти Сталина в 1953 году его тело также было забальзамировано и помещено рядом с мумией Ленина. Советские специалисты бальзамировали тела ряда других правителей социалистических стран: Хорлогийна Чойбалсана из Монголии, Клемента Готвальда из Чехословакии, Хо Ши Мина из Вьетнама, Агостиньо Нетто из Анголы. Телом Мао Цзэдуна китайцы занимались сами и, насколько известно, не очень в этом преуспели.

Когда в 1994 году умер Ким Ир Сен, мало кто сомневался, что случится с его телом, и действительно, им занимались российские специалисты, которые работали по проверенным технологиям. Делали они это, само собой, не бесплатно: по слухам, бальзамирование обошлось в миллион долларов. Подозреваю, что корейцам повезло: накопленный Центром биомедицинских технологий уникальный опыт стоит куда дороже, но в 1994 году, в условиях кризиса и неопределенности, российские специалисты не были готовы слишком упорно торговаться. Результатом усилий ученых из России стала мумия Ким Ир Сена, которую, кстати, в КНДР нельзя называть «мумией», но исключительно «вечным образом Великого Вождя». После смерти Ким Чен Ира в 2011 году сохранением его тела тоже занимались специалисты Центра биомедицинских технологий. Однако в одном северокорейцы не стали подражать другим социалистическим странам. Тела Ленина, Мао, Хо Ши Мина, как известно, выставлены в специально построенных для этой цели мавзолеях. Северные корейцы не стали строить для «вечного образа Великого Вождя» нового здания, а отремонтировали уже существующее. Так появился Дворец Кымсусан (с 2011 года – Дворец Солнца Кымсусан). Это монументальное сооружение было возведено на окраине Пхеньяна в начале 1970-х годов, и с 1973 по 1994 год служило резиденцией и офисом Ким Ир Сена, фактически – северокорейским президентским дворцом. Теперь просторный центральный зал этого здания стал местом упокоения и Великого Вождя, и его сына, Полководца.

В отличие от СССР, где посещение мавзолея Ленина было делом добровольным и никем особо не регулировалось, в Северной Корее кандидатов на паломничество во Дворец Солнца Кымсусан отбирают партийные организации. Большинство из отобранных, отметим, вовсе не возражают против посещения Дворца: частично из любопытства, а частично – и из искреннего почтения к покойным Вождю и Полководцу. Посетители Дворца Солнца Кымсусан должны,

войдя в траурный зал, остановиться на некоторое время и поклониться стеклянному саркофагу, в котором находится забальзамированное тело. Полумрак и тихая музыка подчеркивают символический и мистический, почти религиозный характер происходящего. Рядом с траурным залом находится фактически музей Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, в котором представлены, помимо прочего, их автомобили, железнодорожный салон-вагон и даже целый катер, которым Ким Чен Ир пользовался для морских путешествий.

Судя по всему, большинство северокорейцев более или менее верят тому, что официальная пропаганда рассказывает им о Великом Вожде. Полагается считать, что именно Ким Ир Сен одержал решающую победу над японцами в 1945 году, затем в 1950–1953 годах отразил американскую агрессию и, десятилетиями сдерживая поползновения коварных империалистов, спасал северокорейцев от печальной участи своих поработанных южных братьев. Конечно, за пределами Севера всем давно известно, что во время освобождения Кореи летом 1945 года Ким Ир Сен, в ту пору капитан Красной армии, находившийся на тыловой базе под Хабаровском, не сделал ни одного выстрела, что Корейскую войну начал он – и едва не проиграл ее из-за своих просчетов, что экономика Южной Кореи стала одной из самых быстрорастущих экономик XX века, в то время как некогда индустриальный Север под управлением Ким Ир Сена превратился в беднейшую страну региона. Но внутри КНДР все это известно лишь немногим, и по понятным причинам эти немногие вовсе не хотят делиться своим знанием с окружающими.

Крутое пике, в которое экономика страны вошла сразу после смерти Ким Ир Сена, также способствовало повышению посмертного авторитета Великого Вождя. В конце концов, когда он был жив, в стране отоваривались карточки и все регулярно получали положенные 600–700 г зерновых в день (а также немного рыбы и овощей). Возможно, для наших читателей это не кажется синонимом роскошной жизни, но надо помнить, что после 1994 года все изменилось к худшему. Улучшение наступило только в последние 10–15 лет, так что у большинства жителей КНДР Ким Ир Сен ассоциируется с уверенностью в завтрашнем дне. Для многих это вполне достаточная причина с полной искренностью отдавать дань памяти покойному Вождю.

Страна статуй

Когда речь заходит о стране с авторитарным режимом, в нашем воображении почти всегда возникают картины городов, на главных площадях которых высятся статуи правителя. Это, конечно, стереотип, но, как и большинство стереотипов, он имеет определенное отношение к реальности. В Северной Корее, по крайней мере, статуй хватает, и почти все они изображают членов нынешнего северокорейского правящего дома.

До самого конца XIX века традиция памятников, изначально европейская по происхождению, оставалась чуждой культурам Восточной Азии. Когда в странах Дальнего Востока появлялось желание увековечить память о каком-то человеке и совершенных им деяниях, китайцы, корейцы или вьетнамцы устанавливали в его честь мемориальную стелу или строили памятные ворота в виде арки, или открывали часовню, посвященную памяти героя. В храме или часовне могло иногда присутствовать и скульптурное изображение данного человека, но оно было не более чем одним из элементов мемориального комплекса. Только в конце XIX века Восточная Азия начала подражать европейской традиции памятных статуй. Как обычно, первый шаг в этом направлении был сделан в Японии, которая начала модернизацию раньше и поначалу проводила ее успешнее, чем остальные страны региона. Первый в Восточной Азии памятник в виде статуи был открыт в Токио в 1894 году и изображал японского генерала. В начале XX века статуи стали появляться на площадях японских (а потом и китайских, и вьетнамских) городов во все больших количествах. В середине 1930-х первые статуи начали устанавливать и в Корее – но они были посвящены создателям японского колониального режима и были снесены после восстановления независимости.

Однако современная «традиция памятников» в Северной Корее явно имеет советское происхождение – всем памятные монументы Ленину, которые к концу советского периода стояли на площадях практически во всех советских городах. Те, кто в 1945–1950 годах пришел к власти в Северной Корее, эту традицию хорошо знали и были настроены ей подражать.

Первая статуя Ким Ир Сена была открыта в 1948 году (по некоторым данным – даже раньше), но открытие ее прошло на удивление скромно. Статуя эта располагалась на территории Революционного училища Мангёндэ, интерната для детей погибших революционеров, который был создан по образцу советских суворовских училищ. С самого начала Ким Ир Сен официально считался основателем и, как сказали бы в былые времена, «патроном» этого учебного заведения, так что присутствие там его статуи было вполне объяснимо. Настоящая массовая кампания по возведению статуй Ким Ир Сена началась существенно позже, в те времена, когда он из «руководителя одной из стран народной демократии» стал превращаться в «Великого Вождя и Солнце нации», то есть в середине 1960-х годов. По состоянию на 2017 год в КНДР насчитывалось около 70 «полноценных» статуй Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Эта статистика учитывает только «настоящие» памятники, которые установлены на городских площадях, в нее не включены ни бесчисленные бюсты, ни статуи, расположенные в помещениях или на территории закрытых объектов.

К концу 1970-х годов уже почти в каждом крупном или среднем северокорейском городе была статуя Ким Ир Сена. В городах поменьше в качестве более дешевой альтернативы были установлены большие стелы с мозаичными или живописными панно, которые тоже изображали Великого Вождя. Такие статуи и стелы, обычно находящиеся на центральной площади города, служили местом проведения регулярных массовых ритуалов в честь Ким Ир Сена и, позже, других членов Семьи Ким. Начиная с 1970-х в Новый год и в день рождения Ким Ир Сена все местные жители должны были прийти к памятнику или стеле и, сделав глубокий поклон, возложить к его подножию цветы – настоящие или искусственные.

Хотя подавляющее большинство памятников в Северной Корее изображает Ким Ир Сена, некоторое их количество посвящено другим историческим персонажам, которые, впрочем, почти всегда являются членами Семьи Кимов. В частности, есть в КНДР статуи отца, матери и жены Ким Ир Сена, обычно установленные в тех местах, которые как-то связаны с их жизнью и деяниями. Например, в приграничном городе Хверён, где родилась Ким Чен Сук, с точки зрения пропаганды – «главная» жена Ким Ир Сена, на центральной площади находится именно ее статуя, а вот полноценной статуи самого Ким Ир Сена в Хверёне нет. Однако эта ситуация несколько необычна, и будет лишь небольшим упрощением сказать, что в типичном северокорейском городе есть только одна статуя, и это – статуя Ким Ир Сена (с 2012 года – двойная статуя Ким Ир Сена и Ким Чен Ира), которая располагается на центральной площади.

Еще в 1973 году Ким Чен Ир ясно и четко объяснил, как следует правильно разместить статуи, изображающие Вождя. Он сказал, что статуя ни в коем случае не должна находиться в тени. Изображения Вождя должны быть установлены на естественных или искусственных возвышениях, под яркими лучами солнца. Если учесть, что памятники в Северной Корее принято красить золотой краской, то эти требования становятся более понятными – в хорошую погоду изображение Вождя должно сиять.

Среди всех статуй главную роль уже почти полвека играет памятник Великому Вождю на вершине холма Мансудэ в центре Пхеньяна. Массивная статуя высотой 23 м была открыта в апреле 1972 года, в дни масштабного празднования 60-летия Ким Ир Сена, и с тех пор представляет собой едва ли не важнейший объект того квазирелигиозного культа, которым в КНДР окружены личности Ким Ир Сена и некоторых иных членов правящего дома. По слухам, первоначально статуя Мансудэ была позолочена настоящим листовым золотом, но в конце 1970-х этот тонкий слой золота якобы был удален и заменен обычной золотой краской. История эта часто пересказывается, хотя уверенности в ее правдивости у меня нет. Как и практически все другие статуи и прочие изображения лидеров семейства Ким, статуя в центре Пхеньяна была изготовлена «Художественной студией Мансудэ», которая обладает монополией на воплощение художественного образа вождей. Надо признать, что статуя эта, хотя шедевром скульптуры никак не является, выглядит все-таки лучше, чем китайские скульптурные изображения Мао Цзэдуна, которые в то же самое время в немалых количествах появлялись на площадях китайских городов.

В отличие от Ким Ир Сена, как минимум не возражавшего против активного возведения статуй в свою честь, Ким Чен Ир при жизни проявлял куда меньше энтузиазма по поводу строительства памятников самому себе. Не исключено, что Ким Чен Ир препятствовал созданию собственных статуй – по крайней мере, протест против их возведения содержится в приписываемой ему статье. С другой стороны, эта статья была опубликована посмертно, в 2013 году, и, следовательно, не может рассматриваться как полностью достоверная. Как бы то ни было, на протяжении большей части 17-летнего правления Ким Чен Ира его статуи в стране отсутствовали. Это, конечно, никак не означает, что Северная Корея не была насыщена (и даже перенасыщена) изображениями Ким Чен Ира, но этими изображениями служили его портреты, а не скульптуры. Только в мае 2010 года стало известно, что в военной академии была открыта первая статуя Ким Чен Ира, но этот памятник находился на закрытой территории.

Приход к власти Ким Чен Ына внес изменения в политику установки памятников. Вообще говоря, Ким Чен Ын мало интересуется идеологией, но из этого правила есть некоторые исключения. В частности, Высший Руководитель, по-видимому, проявляет немалый интерес к памятным статуям своих предков. В 2012–2016 годах в северокорейских СМИ появлялись сообщения о 30 новых статуях, а в одном только 2017 году было открыто еще десять статуй. В отличие от памятников более раннего периода, статуи эпохи Ким Чен Ына, как правило, изображают как Ким Ир Сена, так и Ким Чен Ира, работающих или просто стоящих рядом. Из 30 статуй, открытых в 2012–2016 годах, только пять посвящены одному Ким Чен

Иру и ни одна не была посвящена исключительно Ким Ир Сёну. Остальные 25 статуй – это парные памятники отцу и деду нынешнего правителя, причем в большинстве случаев речь шла не о возведении нового памятника, а о переделке уже существовавшего монумента путем добавления к статуе Ким Ир Сёна аналогичной по размерам и стилю статуи Ким Чен Ира.

С приходом к власти Ким Чен Ына возникло то, что можно назвать «совместным наследственным культом». Ритуалы в честь Ким Ир Сёна и Ким Чен Ира все чаще сливаются воедино. Помимо двойных памятников, эта тенденция проявляется и в распространении значков, которые одновременно изображают Кима-деда и Кима-отца.

Упомянутая выше статуя на холме Мансудэ, главный памятник страны, была реконструирована в апреле 2012 года как раз путем добавления статуи Ким Чен Ира, в результате чего памятник Ким Ир Сёну превратился в парный памятник. Любопытно, что реконструкция этого памятника проводилась дважды: первая версия «дополнительной статуи» Ким Чен Ира была удалена в начале 2013 года и тут же заменена новой статуей такого же размера и, что несколько неожиданно, очень похожего вида. Единственное различие между двумя версиями состоит в том, что на появившейся в начале 2013 года статуе Ким Чен Ир изображен в несколько иной одежде.

Во многих случаях дело не свелось к простому добавлению статуи Ким Чен Ира: старая статуя Кима-основателя тоже была заменена на новую (такая замена, в частности, имела место и на холме Мансудэ). Связано это было с изменением иконографического стандарта. При жизни основатель северокорейского государства обычно изображался со строгим лицом, во френче или, иногда, в военной форме. После смерти Ким Ир Сёна его стандартным изображением стал так называемый образ Солнца, на котором Ким Ир Сён изображен с широкой улыбкой и в пиджачной паре западного образца, с галстуком. После 2012 года многие старые памятники были переделаны, чтобы соответствовать этой новой канонической версии изображения отца-основателя.

Семейные статуи Кимов остаются объектами обязательного паломничества, особенно в праздничные дни. Возят туда и иностранцев. Любопытно, что в последние годы они не могут просто приблизиться к статуям, а должны исполнить тот же церемониал, который с давнего времени стал обязательным для местных жителей: поклон статуе и возложение цветов к ее подножию. Предсказуемо кадры с иностранцами, совершающими этот ритуал, часто появляются в программах северокорейского телевидения.

«Отлитое в граните»

Представьте себя где-нибудь в горах в Северной Корее. Вас окружает великолепие вершин и горных лесов. А потом вы замечаете, что один из пиков украшен огромными алыми символами, которые хорошо видны с расстояния в несколько километров. Надпись гласит: «Да здравствует Великий Вождь!», или «Вперед, в скоростной бой!», или «Да здравствует Трудовая партия Кореи!» Лозунги вырезаны огромными буквами на самых красивых скалистых склонах корейских гор. Не исключено, что в горах Кымгансан и Мёхянсан не осталось ни одной вершины, склоны которой не были бы украшены какой-нибудь духоподъемной надписью, например: «Даешь чучхейское преобразование идеологии, технологии и культуры!»

Власти Северной Кореи разработали сложную технологию «украшения» знаменитых пейзажей страны. Лозунги не просто «выписывают» на склонах. Сначала их высекают в скалах бригады каменщиков. Этим каменщиков выбирают из числа лучших рабочих, и их работа считается престижной, пусть порой и опасной, так что самоотверженная преданность этих альпинистов-каменотесов Вождю и Партии даже воспета в некоторых северокорейских фильмах. Затем вырезанные в камне лозунги красят в ярко-красный цвет, чтобы они бросались в глаза издалека.

Эта бурная деятельность по идеологическому украшению природы началась в 1972 году, когда Северная Корея отметила 60-летие со дня рождения Ким Ир Сена. Сейчас проект «украшения гор» официально считается идеей Ким Чен Ира, но прежде эту идею приписывали самому Ким Ир Сenu. Ким Ир Сен, как и большинство корейцев, любил ходить в горы, и как-то во время одной из таких прогулок он якобы заметил: «Было бы прекрасно вырезать хорошие назидания на камнях для будущих поколений!» Не то чтобы Ким Чен Ир не приложил к этому руку. В августе 1973 года он посетил горы Кымгансан и лично проследил за тем, как на склонах вытесывались первые гигантские надписи в честь его отца.

Северокорейский историк так описывает эту кампанию (цитата интересна и тем, что дает некоторое представление о научном стиле, принятом в Северной Корее): «Всем сердцем восприняв мудрые наставления Великого Вождя (Ким Ир Сена. – А. Л.) и Любимого Руководителя (Ким Чен Ира. – А. Л.), члены Трудовой партии и все трудящиеся поднялись на борьбу за вырезание надписей, которые будут существовать десять тысяч поколений. С этой целью были сформированы молодежные ударные отряды из членов Союза молодежи и других молодых людей, которым оказывали помощь рабочие-добровольцы. Члены ударных трудовых отрядов скоростного боя и помощники из числа местного населения, вдохновленные чувством горячей преданности Великому Вождю, к февралю 1982 года высекли в горах Кымгансан 61 лозунг (3690 символов). По своим масштабам и глубокому идеологическому содержанию они не имеют аналогов нигде в мире [действительно так! – А. Л.]. Так, надпись “Чучхе” на скале Чхонъён имеет высоту 27 м, ширину 8 м, а глубина символов составляет 1,2 м».

В начале 1990-х годов была сделана еще одна огромная надпись, также находящаяся в горах Кымгансан. Трехсложное имя Ким Ир Сена изображено тремя высеченными в камне «графическими слогами» (не буду долго объяснять, что это значит, – желающие пусть прочитают что-нибудь о корейской системе письменности); каждый символ имеет в длину 20 м, в ширину – 16 м, и, что хуже всего, глубина анкрё, то есть углубленного контура, у этой вырезанной в скале надписи достигает 0,9 м. Красную краску можно смыть, но огромную надпись, символы которой врезаны на почти метровую глубину, невозможно будет удалить без следа – теперь она, скорее всего, будет существовать если не вечно, то десятки тысяч лет.

За подготовку наскальных надписей отвечает Институт истории партии, который подчиняется ЦК ТПК. Сотрудники этого Института выбирают места для новых надписей, а также определяют их содержание. Точно не известно, сколько живописных горных склонов было

«украшено» по решению института, но известно, что с 1973 года в Северной Корее в горах вырезано 20 000 символов, которые образуют несколько тысяч надписей.

Надо признать, что склонность Северной Кореи к «каллиграфическому благоустройству ландшафта» восходит к древней дальневосточной традиции. Вырезание стихов на подходящем склоне издавна было нормой для богатых путешественников (тех, кто мог себе позволить нанять каменщиков для такой работы!). Однако эти надписи были относительно небольшими и глубоко аполитичными – там чаще всего речь шла о красотах природы.

Любопытно, что в начале нулевых в горах Кымгансан, часть которых была в 1998–2008 годах открыта для посещения южнокорейскими туристами, надписи были несколько переделаны. Убрать сами надписи физически невозможно, но вот яркую красную краску, которая покрывала надписи, удалили, явно понимая, что подобный стиль «украшения ландшафта» не вызовет восторга у южнокорейских и иностранных посетителей. Эта простая операция сделала надписи не такими броскими, менее контрастирующими с окружающей средой – и отчасти показала, что даже сами организаторы северокорейской пропаганды более или менее понимают, как плоды их деятельности воспринимаются в мире. По большому же счету надписи, как уже говорилось, практически неразрушимы. Их можно уничтожить, разве что подорвав весь горный склон, так что, похоже, они станут самым долговременным памятником эпохе Ким Ир Сена и его амбициям. Много лет они будут вызывать возмущение и раздражение (возможно, в сочетании с ностальгией), но рано или поздно время возьмет свое, страсти улягутся, имена героев и жертв будут забыты, и циклопические рельефы на горных склонах превратятся в занимательное напоминание о далеком прошлом, наподобие тех скальных надписей, с помощью которых воспевали свои реальные и мнимые победы цари Вавилона и Ассирии.

Высеченное в камне

В 1987 году мир (или, скорее, та его небольшая часть, которой в те «доядерные» времена было хоть какое-то дело до Северной Кореи) узнал, что северокорейские чиновники изобрели еще один способ восхваления Великого Вождя, Солнца нации, Непобедимого Маршала Ким Ир Сена. Они начали возводить массивные памятные камни *чхинпхильби* с увеличенными факсимильными копиями того, что Великий Вождь собственноручно начертать изволил.

Вообще-то, идея о том, что изречения Великого Вождя надо воплотить в камне, не так уж и нова. Во-первых, как уже говорилось, с начала 1970-х годов живописные северокорейские горы были изрезаны огромными надписями, передающими в массы лозунги или высказывания Ким Ир Сена, да и стелы с текстами изречений Вождя и Руководителя стоят в КНДР повсеместно. Но *чхинпхильби* отличаются от этих стел тем, что на них текст изображен так, как его некогда начертала августейшая рука, и именно это придает им особый статус. Впрочем, и эта идея вполне традиционна для Восточной Азии. Искусство каллиграфии ценилось там на протяжении тысячелетий, и для корейского короля или китайского императора было вполне в порядке вещей отметить выдающиеся деяния какого-либо из подданных или работу учреждения, одарив отличившихся образцом монаршего почерка или собственноручно написанным рескриптом.

Первый *чхинпхильби* был установлен в октябре 1987 года в Пхеньяне на холме Моранбон. Размеры монумента впечатляют: его длина составляет 75 м, высота – 10,4 м, а общий вес достигает 650 т. На каменной глыбе рабочие вырезали факсимильную копию всей речи, произнесенной Ким Ир Сеном 14 октября 1945 года. Это была первая публичная речь будущего Великого Вождя после его возвращения в Корею. Вообще-то, текст, появившийся на *чхинпхильби*, мало совпадал с той речью, которую в действительности произнес Ким Ир Сен. Ее текст был написан офицерами политотдела 25-й армии, которая в августе 1945 года вступила на территорию Кореи. Само собой, текст, в котором слишком уж много и тепло говорилось о Советском Союзе, пришлось задним числом радикально переписать (впрочем, ничего необычного в этом не было: по политическим соображениям в КНДР переписали, или вообще написали заново, почти все ранние речи Ким Ир Сена). Таким образом, рукописный «оригинал» речи, с которого делали факсимиле создатели *чхинпхильби* на холме Моранбон, был, скорее всего, написан – предположительно, все-таки при некотором участии самого Ким Ир Сена, но в основном сотрудниками аппарата ЦК – через несколько десятилетий после того, как речь была произнесена.

За этим последовал еще один монумент, открытый в апреле 1992 года в честь 80-летия Ким Ир Сена. Его воздвигли в горах Мёхянсан, там, где Ким Ир Сен когда-то проводил один из своих многочисленных сеансов «руководства на местах». Этот гранитный памятник меньше по размеру и весит всего каких-то 250 т. Он передает следующую мудрость: «Вода – это рис. Рис – это коммунизм. Социалистическое сельское хозяйство нашей страны, основанное на ирригации, будет ежегодно приносить большой урожай. Ким Ир Сен, 15 апреля 1992 года».

Однако, пожалуй, самый политически значимый из всех *чхинпхильби* находится в деревне Пханмунджом, где летом 1953 года было заключено перемирие, положившее конец Корейской войне. Текст на стеле очень краток и содержит только подпись Ким Ир Сена и дату: 1994.7.7 (7 июля 1994 года). На камне факсимильно воспроизведена подпись, которую, как утверждается, сделал Ким Ир Сен на одном из документов на тему отношений Севера и Юга. Утверждается, что он подписал эту бумагу накануне своей скоропостижной кончины 8 июля 1994 года. Есть основания думать, что факсимильно воспроизведенная подпись действительно стояла на каком-то документе, связанном с межкорейскими отношениями, ведь Ким Ир Сен умер во время подготовки к первому межкорейскому саммиту, который должен был состояться

в конце июля 1994 года. Сейчас монумент в Пханмунджоме стал одним из символов «политики объединения» – точнее, если называть вещи своими именами, «политики по отношению к Южной Корее», поскольку «объединение» и на Севере, и на Юге давно уже превратилось в ритуальную фразу, которую мало кто принимает всерьез. Монумент этот регулярно посещали и Ким Чен Ир, и Ким Чен Ын, его показывают и туристам, которые ездят в Пханмунджом (речь идет в основном об иностранцах, так как для подавляющего большинства местных жителей поездка в эту зону невозможна).

С приходом к власти Ким Чен Ира появились и *чхинпхильби* с факсимильными изображениями текстов, написанных им. В августе 1993 года один из таких памятных камней был открыт в школе, где когда-то учился Ли Ин-мо, бывший северокорейский офицер и коммунистический партизан, который был взят в плен в Южной Корее, а затем 34 года провел в тюрьме, поскольку упорно отказывался отречься от коммунистической идеологии. На *чхинпхильби* воспроизведена фраза из письма, которое Ким Чен Ир направил дочери Ли Ин-мо: «Наша партия не забудет преданность товарища Ли Ин-мо и силу его воли». Позже к этому памятнику добавились и другие образцы *чхинпхильби* Ким Чен Ира. Один из них, например, расположен на территории престижного Пхеньянского роддома. Надпись гласит: «Желаю успехов в служении народу». Как легко догадаться, это цитата из поздравительного письма Ким Чен Ира сотрудникам родовспомогательного учреждения. Кроме этих камней, факсимильные копии почерков Ким Чен Ира и Ким Ир Сена высекаются на скалистых склонах гор. Один из таких «автографов» общей длиной в 216 м, например, высечен на склоне горы Пэктусан.

С приходом к власти Ким Чен Ына в Корее стали появляться *чхинпхильби* уже с его документами и указаниями. Ничего удивительного в этом нет: в целом культ Ким Чен Ына строится по тем же шаблонам, которые когда-то были созданы для восславления Ким Ир Сена и позже стали применяться по отношению к Ким Чен Иру. Одним из первых *чхинпхильби* третьего правителя из Семьи Ким стал памятник у Пэктусанской молодежной электростанции, строительство которой было одним из приоритетных проектов первых лет правления Ким Чен Ына. На стеле (довольно скромных размеров) полностью воспроизведен текст того поздравления, которое в октябре 2015 года Высший Руководитель направил строителям электростанции.

Интересно, что будет с этими памятниками в будущем? Что будут чувствовать внуки современных северокорейцев, глядя на то, что останется от всей этой супермонументальной пропаганды, которую десятилетиями осуществляла Семья Ким? Отвращение? Иронию? Ностальгию? Восхищение? Грусть по утраченному «величию»? Наверное, все будет зависеть в первую очередь от того, кто и когда будет смотреть на эти памятники.

Листок из книги отца

В 1964 году не очень известный индонезийский ботаник вывел новый сорт орхидеи. Год спустя тогдашний президент Индонезии Сукарно решил порадовать этим цветком высокого гостя – лидера Северной Кореи Ким Ир Сена, который в 1965 году посетил Индонезию с официальным визитом. Сукарно предложил назвать орхидею в его честь. Ким Ир Сену идея понравилась, и с предложением он согласился. Так Северная Корея обрела цветок, который вскоре стал своеобразным ботаническим символом режима Семьи Ким. По-корейски его именуют *кимильсонхва*, то есть «цветок Ким Ир Сена». Переводится это название по-разному, и, пожалуй, наиболее подходящим вариантом будет «кимирсенция».

На рубеже 1960-х и 1970-х Северная Корея лелеяла амбиции глобального масштаба: руководство страны тогда искренне надеялось, что только что провозглашенный кимирсенизм станет одной из главных радикально-революционных идеологий планеты, потеснив в мировом масштабе и «советский ревизионизм», и «китайский догматизм». Сейчас многие забыли про то, что тогда, в начале 1970-х, официальные северокорейские идеологи на протяжении нескольких лет утверждали, что «кимирсенизм» не только не тождествен марксизму, но и превосходит его, наилучшим образом отвечая потребностям эпохи антиколониальных революций. Ими тогда была выстроена стройная схема движения мировой прогрессивной мысли – от ее зарождения в виде марксизма, через ленинизм к ее вершине – кимирсенизму. Подобные рассуждения, абсолютно еретические с точки зрения и официального советского марксизма-ленинизма, и китайских «идей Мао Цзэдуна», вызывали немалое раздражение союзников и спонсоров КНДР, так что к концу 1970-х от этих идей благоразумно отказались. Однако в начале 1970-х в Пхеньяне продолжали надеяться, что именно Ким Ир Сен станет светочем всех прогрессивных сил планеты. С точки зрения северокорейских идеологических работников, цветок индонезийского происхождения, названный в честь Великого Вождя его почитателем из дальних краев, наглядным образом подтверждал любовь народов мира к своему единственному истинному лидеру, товарищу Ким Ир Сену, создателю бессмертных идей Чучхе.

В течение следующих нескольких лет, вплоть до 1975 года, северокорейские селекционеры усердно работали над индонезийской орхидеей. Цвела она в сентябре, но усилия ботаников принесли плоды, и улучшенная кимирсенция начала цвести в апреле, то есть как раз ко дню рождения Ким Ир Сена, который в КНДР к тому времени уже был главным государственным праздником. Кимирсенцию объявили «цветком верности», живым символом преданности Великому Вождю, а ее разведение провозгласили важной политической задачей, на решение которой были брошены немалые средства.

Корейский полуостров – не самая подходящая природная среда для тропической орхидеи, так что для распространения кимирсенции потребовались нетривиальные усилия. Дома выращивать капризную орхидею было сложно, поэтому этой работой в основном занимались группы специалистов, которые ухаживали за растениями в теплицах. Денег, понятное дело, не жалели. В 1979 году Центральный ботанический сад в Пхеньяне открыл специальную «Теплицу кимирсенций», где выращивали нежные тропические цветы. Первоначально площадь теплицы составляла 600 кв. м, но в 1980-х годах она выросла до 1500. Аналогичные теплицы были построены по всей стране, в каждом крупном городе и в каждом провинциальном центре.

Однако к концу 1970-х стало ясно: со временем на смену стареющему Великому Вождю придет его сын, Великий Руководитель. В новых условиях работники идеологического фронта решили, что кимирсенции не хватает политически симметричного аналога, который был бы посвящен уже наследнику отца-основателя. Культ Ким Чен Ира был в целом симметричен культу Ким Ир Сена: каждую пропагандистскую кампанию, направленную на восхваление Кима-старшего, каждый посвященный Великому Вождю символ старались дублировать ана-

логичной кампанией или символом, восхваляющим добродетели и таланты Любимого Руководителя. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1988 году свой цветок получил и Ким Чен Ир. Вполне предсказуемо, новый цветок, следуя уже установившемуся шаблону, назвали *кимчжонгиль-хва*, то есть «кимченирия».

История кимченирии была специально сконструирована так, чтобы максимально повторять историю кимирсени. Этот цветок тоже изначально появился за границей, в Японии, где ботаник Камо Мотодэру провел около 20 лет, выводя вариант южноамериканской бегонии. Затем в день 46-летия Любимого Руководителя он подарил ему свой цветок в знак «дружбы и доброй воли между народами Кореи и Японии». После этого бегонию стали разводить по всей Северной Корее. Кимченирию в целом выращивать легче, чем кимирсению, но под новые задачи дополнительные теплицы строить все равно пришлось.

Северокорейские композиторы написали песню под названием «Кимченирия», которая начинается так:

Красные цветы расцветают по всей нашей земле –
Так похожие на наши сердца, исполненные любви к вождю.
Наши сердца следуют за молодыми бутонами кимченирии;
О, вот цветок нашей верности!

С 1990-х годов в северокорейских городах регулярно проводятся роскошные выставки кимирсений и кимченирий, причем главные из них предсказуемо приурочены к дням рождения Вождя и Полководца. Там экспонируются лучшие образцы, выращенные местными учреждениями или за рубежом. Иностранцев бизнесменов, сотрудничающих с Севером, заставляют «жертвовать» деньги или дарить цветы на такие выставки. В прессе часто рассказывают о самоотверженных корейцах, которые продолжали выращивать политически важные цветы даже во время «Трудного похода» (так официально именуют в КНДР голод конца 1990-х), когда в их домах не было электричества и от холода в жилых помещениях замерзала вода. Теплицы, в которых выращивают кимченирию и кимирсению, считаются объектами государственной важности, поэтому даже в разгар голода, в условиях острейшей нехватки электроэнергии, теплицам по-прежнему выделяли и воду, и электричество. В 2001 году по всей стране в эксплуатации находилось более 100 теплиц, которые специализировались на выращивании «цветов верности».

Любопытно, что пока нас не обрадовали появлением «кимченинии», хотя культ младшего из Кимов строится в целом по тем же лекалам, что и культ его отца и деда. Скорее всего, появление «кимченинии» – вопрос времени. Можно предполагать, что рано или поздно мы услышим, что некий иностранный ученый, вырастив прекрасный экзотический цветок, решил преподнести его северокорейскому лидеру в знак любви и уважения, которое к Ким Чен Ыну питают народы мира. Учитывая нынешнюю ситуацию, автор не может исключить даже того, что на этот раз пылкий иностранный ученый окажется россиянином. Во времена Ким Ир Сена и Ким Чен Ира Северная Корея старалась держаться от СССР подальше и не поощрять просоветских настроений в народе. Сейчас Россия более не воспринимается как угроза, так что подобный шаг не выглядит опасным – да и российское посольство едва ли будет возражать против такого поворота событий (в советские времена, учитывая, что с точки зрения официальной идеологии идеи Чучхе являлись дерзкой ересью, подобную попытку пресекли бы немедленно). К тому же растения нашей средней полосы куда лучше, чем орхидеи, подходят к условиям северокорейского климата.

Музеи заслуг

Что вы ожидаете увидеть в музее метрополитена? Вы, наверное, скажете, что в таком месте должны быть фотографии, запечатлевшие строительство метро, возможно, модели вагонов и другого оборудования, используемого службами метрополитена. Верно – но не тогда, когда музей находится в Пхеньяне.

Северокорейские музеи – точнее, большинство из них – представляют собой весьма специфические учреждения. В Северной Корее существуют два типа музеев: музеи в общепринятом смысле этого слова и так называемые музеи заслуг (*сачжосоккван* по-корейски). Настоящих музеев немного, а вот «музеи заслуг» есть практически везде. В середине 1990-х годов в стране насчитывалось около 60 музеев подобного рода. Я видел три таких музея, связанных с университетом, железной дорогой и метро, а также три местных «музеев заслуг» в городах Вонсан, Синийджу и в поселке Чхонсанни.

Полное официальное название этих учреждений – «Музей заслуг Великого Вождя и Полководца» (то есть Ким Ир Сена и Ким Чен Ира). Вообще-то, это и есть музеи Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, только организованные с учетом местной или профессиональной специфики. Университет, железная дорога, метро или местный колорит служат лишь фоном, на котором разворачиваются деяния Вождя и Полководца. Так, в *сачжосоккване* метрополитена первые несколько залов посвящены детству Ким Ир Сена, его партизанской деятельности в Манчжурии, возвращению в страну и, конечно же, мудрому руководству страной в годы Корейской войны. Есть там и материалы о детстве и юности Ким Чен Ира, но ни один из экспонатов, представленных в первых залах музея, не имеет ни малейшего отношения к метрополитену.

Дальше в экспозиции появляются материалы, связанные с самим метро. Тем не менее даже эти материалы посвящены в первую очередь тому, какую роль играли Ким Ир Сен и Ким Чен Ир в развитии пхеньянского метрополитена. Конечно, в экспозиции присутствуют фотографии строительных работ, есть там листовки и газеты, которые были выпущены во время строительства. Однако центральное место среди экспонатов занимают такие, как авторучка, которой Ким Ир Сен когда-то подписал указ о строительстве метро; стул, на котором Ким Ир Сен сидел во время осмотра стройки; микрофон, в который Ким Ир Сен произнес несколько слов о метро. Представлена там даже дрезина, на которой Ким Ир Сен однажды проехал между двумя строящимися станциями. Стены увешаны фотографиями и картинами, которые трактуют тему «Ким Ир Сен, Ким Чен Ир и метро» во всех возможных ракурсах. Огромная диорама, оснащенная многочисленными спецэффектами, посвящена великому историческому событию: осмотру строительства метро Ким Ир Сеном.

В железнодорожном «музее заслуг» мне особенно запомнилась картина, на которой была изображена девушка в железнодорожной форме с сигнальным фонариком в руке; она стояла рядом с железнодорожной линией, со слезами вглядываясь куда-то в темноту. Подпись объясняла все: «Куда же отправился Вождь так поздно ночью?»

В «музее заслуг» Университета имеется зал «Ким Чен Ир на военных сборах», который в 1980-е был чуть ли не центром всей экспозиции. Как и все другие студенты университетов в начале 1960-х годов, будущий преемник Вождя должен был пройти краткосрочный курс военной подготовки офицеров запаса. Не без некоторой иронии замечу, что эти несколько месяцев на военных сборах являлись единственным периодом, который будущий Полководец и Генералиссимус реально провел в казарме. Вопреки утверждениям пропаганды, Ким Чен Ир был и по складу характера, и по стилю жизни глубоко штатским человеком, в котором всегда было куда больше от персонажа богемы, чем от сурового офицера.

Среди прочих экспонатов – винтовка (как уверяют, использовавшаяся Полководцем), лопата Полководца и даже половник, которым Ким Чен Ир якобы пользовался во время наряда

по кухне. Это историческое событие огромной важности – Ким Чен Ир отбывает наряд по кухне – отображено на большом полотне. На картине он дает наставления сокурсникам, которые внимают ему в восхищении. Впрочем, когда я опять побывал в этом *сачжосоккване* в 2018 году, то обнаружил, что военным сборам там сейчас уделяют гораздо меньше внимания и что столь понравившаяся мне в 1985 году картина, посвященная дежурству на кухне, куда-то исчезла. Возможно, дело в том, что идет подготовка к очередной реорганизации *сачжосокквана* – надо ведь теперь представить в нем и достижения нового руководителя страны Ким Чен Ына.

Кстати сказать, в конце 1980-х годов в поселке Оындон неподалеку от Пхеньяна, где когда-то располагался тренировочный лагерь второго Кима, был открыт мемориальный комплекс. Даже камень, на который Ким Чен Ир когда-то присел отдохнуть после кросса, был специально огорожен и, так сказать, музеефицирован.

Большая картина

В августе 2003 года жители Южной Кореи восторженно встречали необычных гостей. На волне очередного потепления отношений между Севером и Югом северокорейских спортсменов, приехавших на универсиаду в Тэгу, сопровождала команда красивых болельщиц (если пользоваться американским термином, чирлидеров). Девушки эти действительно выглядели потрясающе, а флер таинственности и экзотичности только усиливал их успех у южнокорейской публики.

28 августа девушки после окончания соревнований, на которых они поддерживали северокорейских лучников, возвращались на автобусе к себе в общежитие. Шел дождь, и из окна автобуса они увидели на улице баннер с портретом Полководца Ким Чен Ира, который был там изображен вместе с президентом Южной Кореи Ким Дэ Чжуном. Баннер этот был увеличенной копией известной фотографии, сделанной во время межкорейского саммита 2000 года. Разумеется, баннер вывесили активисты какой-то южнокорейской левонационалистической группы, которые очень позитивно относятся к идее межкорейского сближения. Однако вид баннера произвел на пхеньянских красавиц совершенно неожиданный эффект. Едва увидев баннер, красавицы не могли сдержать возмущения и шока. Баннер был мокрым, причем капли дождя падали прямо на изображение Полководца. Девушки громко потребовали, чтобы водитель немедленно остановил автобус, и, добившись своего, тут же ринулись спасать изображение Ким Чен Ира. Вдобавок, они обнаружили другую проблему: баннер был размещен неподобающе низко. Журналисты, которые тогда сопровождали девушек повсюду, тут же бросились фотографировать представшую перед их глазами живописную сцену: возмущенные красавицы, размахивая руками и с громкими криками, бегут спасать образ своего монарха от капель дождя.

У жителей Юга эта история вызвала некоторое недоумение и отчасти даже остудила энтузиазм южнокорейских левых националистов по поводу «духовного единства» с Севером. Однако девушки просто отреагировали на ситуацию так, как того требовали усвоенные ими с раннего детства правила поведения. Северная Корея – это страна портретов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Портреты вождей должны присутствовать там в каждом жилом помещении, в каждом офисе, в каждом вагоне поезда и метро (но почему-то не в автобусах или троллейбусах). Портреты украшают входы во все основные общественные здания, вокзалы и школы, проходные всех промышленных предприятий, хотя в производственных помещениях их размещать не полагается. Разумеется, те портреты Вождя и Полководца, которые размещены на открытом воздухе, должны быть надежно защищены от дождя и снега.

Вот уже полвека северокорейцы живут под неусыпным оком Великого Вождя. Конечно, первые его портреты появились гораздо раньше, ведь с 1948 года он уже был руководителем страны, и его изображения присутствовали в официальных учреждениях по всей Северной Корее, что является стандартной мировой практикой. Однако в конце 1960-х руководство КНДР решило не ограничиваться присутствием портретов в официальных государственных и партийных учреждениях, а разместить их по всей стране в количествах, которые, пожалуй, не имели аналогов в мировой истории. Это было частью кампании по выведению культа личности Ким Ир Сена на уровень, у которого не было прецедентов, – кампании, которую запустили так называемые указания от 25 мая, принятые в 1967 году (формально, кстати, их полный текст и поныне считается секретным).

В конце 1960-х годов северокорейцы получили распоряжение об обязательном размещении портретов Ким Ир Сена в своих домах, а с конца 1970-х от них стали требовать и того, чтобы они вывешивали дома также и портреты Ким Чен Ира, который тогда был только что назначен наследником и получил титул Любимого Руководителя. При этом порт-

реты наследника полагалось размещать «неофициально». Пропаганда потом утверждала, что широкие массы северокорейцев, руководствуясь одной лишь стихийно вспыхнувшей любовью к сыну своего правителя, стали украшать свои жилища его портретами. В 1974 году советскими дипломатами было впервые отмечено появление портретов «Центра Партии» в некоторых государственных учреждениях, но в целом портреты Ким Чен Ира появились в общественных местах лишь в конце 1980-х годов. С начала 1990-х годов портреты отца и сына стали вывешиваться в учреждениях симметрично, парами.

Понятно, что никакого разнобоя в столь идеологически важном деле никогда не допускалось: портреты Первой Семьи стандартизованы и выполнены в уже упоминавшихся мастерских Мансудэ. И учреждения, и частные лица получают портреты в централизованном порядке. При этом в разные периоды Кимов изображали по-разному, и разница в стиле портретов многое говорит об идеологических и политических переменах в стране. В самый ранний период, то есть до того, как в конце 1960-х присутствие портретов стало повсеместным, Ким Ир Сена изображали в маршальской форме. В 1970-е и первой половине 1980-х Вождь изображался во френче, что должно было подчеркнуть суровую жесткость, аскетизм и дисциплину, которые считались основными добродетелями в те годы.

В середине 1980-х на смену этим портретам пришли новые, изображающие Ким Ир Сена в костюме западного типа – в пиджачной паре с галстуком, которую он действительно стал часто носить примерно с 1984 года. Это отражало те осторожные эксперименты с частичным открытием страны внешнему миру и частичной идеологической либерализацией, которые предпринимались в КНДР в середине и конце 1980-х, но были прерваны в связи с советской перестройкой. После смерти Ким Ир Сена в 1994 году появились новые портреты, где он тоже был в костюме западного образца – и широко улыбался. Это был уже упоминавшийся «образ Солнца», связанный с тем, что одним из прижизненных титулов Кима-основателя был «Солнце нации». В начале нулевых некоторое время появлялись портреты Ким Ир Сена в форме Генералиссимуса, но в итоге в Северной Корее вернулись именно к «образу Солнца». Портрет Ким Чен Ира претерпевал аналогичные изменения. На ранних официальных портретах он запечатлен в простом темном френче, потом его иногда изображали в парадной военной форме, но в итоге каноническим стало изображение Полководца в серовато-зеленой куртке, которую он часто носил в последние годы жизни.

Около 2004–2005 годов правила вывешивания портретов в частных домах были изменены. В общественных местах по-прежнему присутствовали только парные портреты Вождя Ким Ир Сена и Полководца Ким Чен Ира, но вот в частных домах число портретов увеличилось до трех. При этом появилась и отсутствовавшая ранее дискриминация по социальным группам. В жилищах чиновников, офицеров и прочего начальства присутствуют три портрета, на которых изображены Ким Ир Сен, Ким Чен Ир и Ким Чен Сук – жена Ким Ир Сена и мать Ким Чен Ира. Представителям простонародья по каким-то причинам держать портрет Ким Чен Сук не полагается. Вместо этого они должны помещать у себя в домах портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, а также их совместное изображение, на котором Полководец и Вождь обсуждают какие-нибудь государственные вопросы.

Три портрета, которые полагается вывешивать в домах номенклатуры, известны как «портреты Трех Полководцев с горы Пэктусан». Любопытно, что 1960-е, когда в КНДР забушевала рыночная стихия, этот престижный набор портретов появился в продаже у спекулянтов. Состоятельные северокорейцы, которые формально не имели право на то, чтобы получить в официальном порядке «портреты Трех Полководцев с горы Пэктусан», покупали их у спекулянтов и вывешивали дома, намекая таким образом гостям на свое высокое официальное положение.

По действующим уже полвека правилам портреты должны находиться на одной из стен жилой комнаты, в хорошо освещенном месте, чуть выше человеческого роста, причем на стене,

на которой находятся портреты, нельзя помещать никакие другие изображения. Когда семья переезжает, первым делом она должна повесить в новом жилище портреты. «Народной группой» *инминбан* проводятся выборочные проверки, чтобы удостовериться, что с портретами обращаются должным образом. Каждый комплект портретов поставляется со специальной коробкой, в которой хранятся инструменты для ухода за изображениями. В набор входят два куска мягкой ткани для протирки портретов и щетка. Протирать портреты следует ежедневно – за этим следят и администрация, и партийная организация.

В армии портреты вывешены во всех жилых помещениях. Когда подразделение или часть отправляется на полевые учения, оно забирает портреты с собой. Как только подразделение ставит палатку или, чаще, обустраивает землянку, там размещают портреты, и только после этого ритуала временное жилище считается пригодным для жизни.

Вокруг портретов выстраивается множество важных ритуалов. В детских садах, например, дети после еды должны поклониться портретам и выразить благодарность Великому Вождю и Полководцу за свою счастливую жизнь. Очень важную роль играют портреты и в брачных церемониях. Пара новобрачных должна глубоко поклониться портретам Вождя и Руководителя. Эти поклоны служат кульминацией свадебного ритуала независимо от того, проводится свадебная церемония в зале бракосочетаний или дома.

Повреждение портрета может повлечь за собой катастрофические последствия для провинившегося. Недавно стало известно, что Ким Ён-чжун, известный корейский ученый левых взглядов, бежавший на Север, в 1960-х годах покончил жизнь самоубийством из-за того, что случайно повредил портрет Ким Ир Сена и опасался, что в результате его ждет смерть в тюрьме – он ведь и так находился под подозрением в силу своего южнокорейского происхождения.

Между тем спасение портретов вождей в критической ситуации является обязанностью гражданина КНДР. Северокорейские газеты постоянно пишут о героических поступках корейцев, спасающих портреты Вождя и Полководца ценой собственной жизни. В 2008 году, например, СМИ много писали о подвиге рабочего Кан Хён-гвона. Во время летних наводнений дом Кан Хён-гвона оказался затоплен. Герой, как и полагается, первым делом завернул в полиэтилен портреты, посадил себе на спину пятилетнюю дочь и попытался добраться до безопасного места. Однако дочь не удержалась на спине отца и упала в воду. Если верить тому, что написали «Нодон синмун» и ЦТАК, Кан Хён-гвон в этот момент еще крепче сжал в руках священные портреты. Из официального сообщения непонятно, утонула ли девочка, но неясность там, похоже, сохранена вполне умышленно, чтобы читатели понимали: важно не то, осталась ли в живых дочь, а то, что даже в такой момент герой не выпустил портретов из рук.

Летом 2012 года «Нодон синмун» сообщила, что правительственные награды получили родители и учителя 14-летней Хан Хён-гён. Школьница погибла во время наводнения, спасая из затопленного дома «портреты Трех Полководцев с горы Пэктусан». Матери героической школьницы и директору школы, в которой она училась, вручили Орден Национального Знамени I степени, более скромные награды получили отец погибшей девочки, замдиректора и классная руководительница. 14 сентября 2019 года звание Героя Республики (посмертно) было присвоено Ким Сок-ёну и Юн Чэ-хо, крестьянам из провинции Канвондо, которые погибли, спасая изображения Вождей во время пожара. Героям удалось вынести портреты из горящего дома, но сами они скончались от полученных ожогов.

Так что бурная реакция северокорейских болельщиц на неправильное обращение с портретами в 2003 году неудивительна. Мы, конечно, не знаем, были ли девушки искренни в своем порыве или нет, но, что бы они ни думали про себя, на людях они должны были поступить только так, как они и поступили.

Учимся быть верными солдатами Вождя и Полководца

Образование в Северной Корее политизировано. Это трюизм, ибо в определенной степени то же самое можно сказать и об образовании в любой другой стране. На школу – гласно или негласно – везде возложена задача прививать будущим гражданам ценности, почитаемые правильными в каждом конкретном обществе. Достоинства своей нации и своей политической системы, равно как и превосходство этой системы над системами оппонентов и противников, систематически подчеркиваются в школах большинства стран мира.

Так что же тогда такого особенного в Северной Корее? Чем ее образовательная система отличается от образовательной системы иных стран? Прежде всего, необычен объем пропаганды, которую она обрушивает на детские головы, а также то подчеркнутое внимание, которое уделяется в школьной программе прославлению правящей Семьи Ким. Конечно, культ личности не нов и характерен далеко не только для одних социалистических стран – хотя именно в этих странах, как показывает пример Ленина, Сталина и Мао, культ мог временами расцветать особенно пышно. Северная Корея выделяется тут не столько качественно, сколько количественно: интенсивность культа в северокорейских школах зашкаливает.

Политическое воспитание начинается с очень раннего возраста. Еще в 1980-х годах у меня была возможность посетить пару показательных северокорейских детских садов и побывать в специальном кабинете, который предназначался для изучения биографии членов Семьи Ким. В центре кабинета располагалась большая рельефная модель родной деревни Ким Ир Сена – Мангёндэ. Перед началом урока все дети вместе со своим учителем в пояс кланялись портрету Ким Ир Сена, скандируя: «Спасибо, Маршал-Отец!» (его тогда еще не повысили в звании до Генералиссимуса). С этого ритуала и начинался урок.

Учитель вызывал детей к модели одного за другим. Детскими голосами, но пытаясь звучать по-взрослому, они воспроизводили различные эпизоды из детства Великого Вождя: «Здесь Вождь-отец играл в военные игры, готовясь к борьбе с японскими империалистами», или «Здесь Вождь-отец тренировался, занимаясь спортом». Дети изо всех сил старались копировать ту утрированно-пафосную манеру речи, которой отличаются дикторы северокорейского радио и телевидения, и вообще вести себя по-взрослому, используя исключительно официозные выражения и формы речи. Выглядело все это несколько комично, а детей, которым приходилось вести себя столь нелепо и пафосно, становилось немного жаль. Однако главная цель всех этих стилистических упражнений понятна: с младых ногтей детям внушают, что идеология – это очень серьезная вещь, и что в делах, с идеологией связанных, все, как говорится, должно быть по-взрослому, без скидок на возраст и без уступок легкомыслию. Детям постоянно напоминают, что только благодаря Семье Ким они могут наслаждаться своим «счастливым детством». Даже еда, которую они едят в детском саду, представляет собой доказательство мудрости и доброты Великого Вождя, поэтому после каждого обеда все дети должны благодарить Вождя за заботу, кланяясь его портрету и хором повторяя: «Великий Вождь, спасибо за еду!»

Каждый северокорейский школьник и студент тратит немало времени на изучение официальных биографий Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. По состоянию на 2013 год в начальной школе было четыре предмета, которые посвящены исключительно биографии членов Семьи Ким. Именовались эти предметы таким образом: «Детские годы Великого Вождя Генералиссимуса Ким Ир Сена», «Детские годы Великого Руководителя Генералиссимуса Ким Чен Ира», «Детские годы антияпонской героини Ким Чен Сук» и «Детские годы уважаемого и любимого Маршала Ким Чен Ына». За все время обучения в начальной школе (с 2013 года в начальной школе учатся пять лет) на изучение детства каждого из трех правителей суммарно отводится 171 учебный час. По каждому из этих трех предметов с первого и по пятый класс выделяется

один урок в неделю. На изучение деяний маленькой Ким Чен Сук, будущей жены первого и матери второго правителя, отведено 34 часа, и изучают ее «детские годы» только в первом классе (надо иметь в виду, что в КНДР роль нашего первого класса играет старшая группа детского сада, в которой детей учат читать и писать).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.